

К 70-летию народного писателя Республики Алтай Бронтоя Бедюрова

Мой Бронтой

учреждений и текстах законодательных актов. Но только в книге все они обрели звучность и мощь, заключённые в простую повествовательную форму.

Стилистика «Слова об Алтае» — собрания исторических и литературоведческих эссе — не случайно находит близкие аналогии в дореволюционной публицистике Григория Потанина и Николая Ядринцева, равно как и в творческом наследии Фёдора Тютчева, Николая Миклухо-Маклая, Осипа Ключевского. Преемником и учеником этой плеяды русских учёных и дипломатов осознаёт себя алтайский писатель. Тогда я ещё не знала, что великолепный литературный язык — это тоже заслуга автора, в совершенстве владеющего родными языками: алтайским и русским.

Личное наше знакомство состоялось позже, когда я дерзнула пригласить писателя возглавить Совет кураторов музея. Июнь, Писательский дом, утопающий в зелени, угрюмого вида секретарь провожает меня в кабинет. А внутри — залитый солнцем алтаец (улыбка от уха до уха) и, конечно, чай: «Чай не пил, откуда сила?». Угощение, разговоры, искромётные шутки и простота — свойство подлинной мудрости.

Бронтой Бедюров возглавил Совет кураторов, мы обменялись телефонами, и затем последовало несколько лет роскошных многочасовых бесед об истории, политике — обо всём, что так занимало и тревожило обоих. Острый аналитический ум, скорость реакции, эрудиция, способность видеть взаимосвязи, и в то же время, простота и искренность в общении, напроочь стирающие разницу в возрасте — всё это стало основой многолетней дружбы.

А в 2014 году началась уже полноценная совместная работа над переводами «Алтайских исторических преданий», которая позволила мне распахнуть настежь дверь в сокровищницу алтайского языка, приоткрытую ранее моими друзьями и информантами. Эта была поистине уникальная возможность работать с алтайским языком «высокого стиля», почти забытого, замкнутого в рамках фольклора, практически исключённого из употребления, благодаря доминированию русского языка в делопроизводстве.

Потеря терминов «высокого стиля», обозначающих достаточно абстрактные понятия, имеющие отношение к религиозной философии или к фундаментальным основам государственного устройства, равно как и потеря национальных терминов административного словаря — это общая беда, свойственная не только алтайскому, но и другим языкам народов России. Всю свою жизнь, всю свою творческую биографию Бронтой Бедюров посвятил реконструкции исторического самосознания алтайского народа, по крупицам собирая исторические предания, сказки,

пословицы и поговорки, образцы народной поэзии, сохранившие термины «высокого стиля» в естественном контексте и в живом употреблении.

Суть творческого метода Бронтоя Бедюрова состоит не только в собирательстве и литературной обработке фольклора, сколько в реконструкции. Восстановлении смысловых структур языка там, где они были утеряны или размыты повседневными, бытовыми значениями однокоренных или омонимичных понятий. И этот восстановленный язык «высокого стиля» писатель использует, отвечая на вопросы современности, рассуждая об истории Алтая в контексте истории России в советский и постсоветский периоды. Будучи вовлечённым в ультрасовременный дискурс о судьбах национальных культур в пространстве Евразии, алтайский язык обретает в устах Бронтоя Бедюрова новую жизнь и новые смыслы. Антропоцентризм и связанные с ним экологические издержки, шовинизм как маркер ограниченного кругозора, межнациональные отношения в эпоху глобализации — все эти проблемы находят отклик в его творчестве.

Исторические изыскания Бедюрова, помимо очевидной и вполне востребованной алтайским читателем цели реконструкции национального самосознания (отсюда явное присутствие наследия писателя в современном алтайском языке), преследуют и другую не менее важную цель. Писатель стремится показать и убедительно доказать, что сама история взаимоотношений русского и алтайского народов, как и других народов Евразии, отнюдь не берёт начало к концу XVIII века, в пору вхождения в состав Российской империи, но имеет многовековую протяжённость. Культурное взаимодействие и тесное сожитие наших предков имело место в составе различных государственных образований на территории евразийского макрорегиона. Всё это позволяет рассматривать межнациональные отношения в ином ракурсе, а в результате исчезает образ «большого брата» с покровительственной ухмылкой, подобно миру таёт образ «балбеса», «бедного инородца», вечно униженного и понукаемого. Вместо этого мы видим обширное поле жизни, где народы встречаются, сражаются в междоусобицах и совместно, против общего врага, сосуществуют в различных альянсах и союзах. Мы видим, как народы соседствуют и рождаются, взаимообучаются, нередко меняют язык общения и место жительства (малую родину) в обширных просторах кочевий и становищ того пространства, которое мы сейчас именуем Россией.

Взвешиваясь в прозаическое наследие Бронтоя Бедюрова, сложно сказать, кого здесь больше: писателя или дипломата. В обоих качествах писатель держится на высоте, вызывая в памяти образ любимого и уважаемого им Тютчева. Сходство становится большим, если мы обратимся к поэтическому наследию. Сейчас, спустя более полувека, когда была написана большая часть стихотворений, поэзия Бедюрова звучит современно, и это неслучайно. Юный 17-летний поэт и зрелый 30-летний автор — Бронтой Бедюров — обладал ярким индивидуальным почерком, выделявшим его среди плеяды поэтов послевоенной эпохи. Эта индивидуальность заключается, на мой взгляд, в равно глубоком понимании основ тюрко-монгольской народной литературы и специфики русской/советской художественной школы XX века. В сознании Бедюрова-поэта Пастернак соседствует с воинскими древнетюркскими песнями, хокку и танка — с алтайской пейзажной лирикой. Широкий кругозор, мультикультурализм и зако-

номерная в таких условиях гибкость ума всегда, во все времена приносили прекрасные плоды. Это мы видим в творчестве поэтов Танской эпохи, в уйгурской и тохарской раннебуддийской литературе, в искусстве испанских морисков, а также в литературном наследии СССР, и в частности в поэзии Бронтоя Бедюрова.

Приступив к переводам поэзии, я с прискорбием поняла, что конвейерный метод переводов с подстрочников, присущий позднесоветскому периоду, оставил после себя подчас гениальные, но всё-таки интерпретации авторской поэзии тюркских и других народов, но никак не переводы, сохраняющие дух и эстетику оригинала. Вот почему изначально авторские переводы Бедюрова мне нравились больше, чем профессиональные поэтические переводы маститых авторов, потому что именно они, несмотря на отсутствие переднеслоговой рифмы, передают колорит и подлинный смысл текстов, разворачиваясь подобно шелковым ойротским знаменам в контексте смыслового единства творческого наследия писателя.

В поэзии Бронтоя Бедюрова, в том числе и самой современной, неизменно присутствуют подкупающие меня как читателя юношеский задор и свежесть восприятия. Его стихи — это стенограммы жизни автора, такой, какая она есть. Без прикрас, но и без излишней скромности. Это мужество самообнажения. Не только своим временем (дорогим и невозполнимым ресурсом), своей творческой энергией, но и глубоко интимной стороной эмоциональной жизни жертвует автор, отправляя в странствие свои стихи на родном алтайском языке.

В результате создания творческого тандема писателя и переводчика впервые переведены на русский язык и опубликованы исторические источники: «Алтайские исторические предания Ойротской эпохи: XVII-XIX вв.», «Янга Тодош Бедюров. Боевые песни Ойрота: из листов фронтовых дневников 1941-1945 гг.». Впервые переведены и готовятся к выпуску «Алтайские благопожелания» Бронтоя Бедюрова — серия коротких поэтических зарисовок, основанных на фольклорных афоризмах, а также стихотворения из цикла «Небесная коновязь». На стадии предпечатной подготовки объёмный том «Алтай-Хангай — Вечная Родина», в основе которого материалы диссертационной работы Бронтоя Бедюрова. В книгу вошли не только дополненная коллекция Алтайских исторических преданий, бурханистские песнопения, но и аналитические материалы автора.

Следует отметить, что скептическое отношение ряда историков к писательскому статусу Бедюрова ни коим образом не умаляет ценности проделанной им огромной работы по собиранию и систематизации устных исторических источников. В процессе этого были осуществлены самые настоящие научные открытия. Одно только установление тождества Аба-Ярынака алтайских исторических преданий и киргизского князя Иренека русских летописей достойно научной степени. А обнаружение и литературоведческий анализ древнетюркского сюжета «Спора чая и водки» (имеющего, к слову, уйгурский протограф) в творческом наследии первого алтайского писателя Михаила Чевалкова достойно докторской степени.

На этой оптимистичной ноте хотелось бы закончить заметку, пожелав писателю долголетия и неиссякаемого творческого задора! Пусть ваш конь не знает устатку!

Алас! Алас! Алас!

Елена КОРОЛЁВА
переводчик

Наше знакомство с Бронтоем Янговичем Бедюровым началось в далёком 2001 году, когда после окончания университета я устроилась на работу в Национальный музей Республики Алтай. Музейная библиотека была полна редких малотиражных региональных изданий, поэтому привычка заглядывать туда быстро закрепились как часть ежедневного рабочего ритма. К тому же в любое время суток там царил тишина, сотрудники заходили лишь изредка, чтобы посмотреть глянецовую «Крестьянку» или гламурный «Домашний очаг». Как постоянному читателю мне довелось испытать все прелести покровительства со стороны библиотекарки Ларисы Романовой — мудрой, очень колоритной женщины, казачки. Примерно на третью неделю моей работы в музее Лариса Николаевна вынесла из хранилища первый том «Слова об Алтае» Бедюрова и со словами: «Хочешь понимать Алтай — бери», вложила мне в руки тёмно-синюю книжку. Я открыла, стала просматривать и буквально через пару страниц подняла глаза: «Так эти же слова звучат повсюду!..» — «То-то и оно», — кивнула Лариса Николаевна, заполняя мой формуляр.

«Слово об Алтае» действительно «звучало повсюду»: в концертах вокально-инструментального ансамбля филармонии, из уст политиков, со страниц газет. «Слово» цитировали безо всякой отсылки, в архаической традиции безымянного авторства, как на русском, так и на алтайском языках. Реконструированные Бронтоем Бедюровым и заново введённые в оборот алтайские слова «высокого стиля» сияли золотыми буквами с официальных вывесок, просматривались в наименованиях